

ИГОРЬ КАРГАШИН

 <https://orcid.org/0000-0002-3964-6242>
Калужский государственный университет
им. К. Э. Циолковского
Кафедра литературы
248000 Калуга
пер. Воскресенский, 4
iakargashin@gmail.com

МАНДЕЛЬШТАМ В «СТИШКАХ» УМКИ (АННЫ ГЕРАСИМОВОЙ)

OSIP MANDELSHTAM IN UMKA'S (ANNA GERASIMOVA'S) "RHYMES"

Статья посвящена анализу творческой рецепции О. Мандельштама в текстах Анны Герасимовой. Анна Георгиевна Герасимова – переводчик, поэт, автор первой в России диссертации по творчеству обэриутов, рок-музыкант (сценический и литературный псевдоним Умка). Как показал анализ, особенно ярко рецепция мандельштамовской поэзии в текстах Умки проявлена в тех случаях, когда обнаруживаются не отдельные лексические или ритмические «вкрапления» из его текстов, но всё стихотворение оказывается формой, аккумулирующей художественный опыт О. Мандельштама.

Ключевые слова: Мандельштам, Умка, творческая рецепция, интертекст.

The article dwells on the creative reception of Osip Mandelshtam in the texts of Anna Gerasimova. Anna Georgievna Gerasimova is a translator, poet, author of the first dissertation in Russia devoted to the work of the OBERIU writers, and rock musician (stage and pen name: Umka). The analysis shows that the reception of Mandelshtam's poetry in Umka's work becomes particularly vivid when it is not limited to separate lexical or rhythmic insertions from his texts, but when Gerasimova produces a form which as a whole accumulates Mandelshtam's artistic experience.

Keywords: Mandelshtam, Umka, creative reception, intertextuality.

«Умка» – сценический и литературный псевдоним Анны Георгиевны Герасимовой – рок-музыканта, автора песен и исполнителя группы «Умка и броневик» (первоначально, до 2005 г. – «Умка и броневичок»), а с 2015 г.

рок-группы «Умка и новый состав». Группа в разных составах выпустила два десятка альбомов, много гастролирует по стране и за рубежом. В то же время Анна Герасимова – переводчик и филолог, кандидат наук, автор первой в России диссертации по творчеству обэриутов, автор нескольких сборников стихов¹. Не лишним будет заметить, что «стишки» – ее обозначение своего поэтического творчества. В одном из ее текстов читаем: «Пока стихи у Веры Полозковой, у нас – стишки...».

При поступлении в аспирантуру А. Герасимова с кафедры перевода перешла на кафедру советской литературы, а для этого ей нужно было написать реферат, касающийся литературы данного периода. Она выбрала тему: *Поэзия О. Мандельштама в переводах на немецкий язык*. Однако на этом связь с творчеством Осипа Мандельштама не закончилась. Как мы попытаемся показать, рецепция мандельштамовской лирики нашла отражение и в оригинальном творчестве Анны Герасимовой.

При знакомстве со «стишками» Умки, во-первых, бросается в глаза обилие аллюзий на поэтический мир Мандельштама и реминисценций из его текстов. При этом отсылка к стихам Мандельштама обозначает, как правило, нечто безоговорочно принимаемое, общезначимое, знаменует опору на авторитетное мнение и слово. А иногда прямо означает возможную поддержку. Например (фрагмент из стихотворения *Лестничный пролёт*) [здесь и далее в стихотворных примерах выделено мной – И. К.]:

Мне снился сон, что мама дома
А я с портфельчиком бреду
Всё так привычно, так знакомо
Но лифт сломался на беду
А мне опять сдавать экзамен
Тургенев, Рудин, мир войне
С полужакрытыми глазами
Я лезу нАверх, как во сне
Но кажется, попала в переплёт
Лишен ступеней лестничный пролёт

**Сначала вроде было можно,
как Мандельштам, по приставной...**

¹ В настоящей статье тексты ее стихотворений приводятся по изданию: А. Герасимова (Умка), *Стишки 2009–2017*, Москва: Умка-пресс 2017.

Назовем ряд других примеров:

Ну вот просвистала я жизнь скворцом
Заела ореховым пирогом
И больше нельзя никак
Мы все равноправны перед концом
Мы все бесполезны перед лицом
И каждый – слепой дурак...

Или:

Мы живем, под собою не чуя
Ни страны, ни жены, ничего...

Встречаются и реминисценции из мандельштамовской прозы:

Мы ели **ворованный воздух**
Мы пили армянский коньяк
Над нами веселые звезды
Пятнали небесный чердак...

Во-вторых, отметим некоторые варианты «ритмических» аллюзий и реминисценций. Прежде всего это касается «длинных» и «сверхдлинных» трехсложных размеров, которые нередки в поэзии А. Герасимовой. Речь идет о 4-х-, 5-и- и 6-ст. дактилях и анапестах, которых немало в стихах Умки и которые отсылают к версификационному опыту Мандельштама. Ясно, что имеются в виду такие стихотворения Мандельштама, как *Сестры – тяжесть и нежность – одинаковы ваши приметы...* (дольник на основе 5-ст. анапеста), *О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...* (5-ст. анапест), *Ах, ничего я не вижу и бедное ухо оглохло...* (6-ст. дактиль), *Мы живем, под собою не чуя страны...* (4-ст. анапест) и др.

Обычно, как и у Мандельштама, у Герасимовой это достаточно протяженные, т. е. большого объема стихотворения, в которых длинные трехсложные ритмические цепи вызывают ассоциации с текстами именно этого поэта. Вне определенного контекста, может быть, они и не были бы свидетельством рецепции мандельштамовской поэтики. Однако в текстах А. Герасимовой, как правило, такого рода «ритмические реминисценции» поддерживаются и манифестируются прямым упоминанием имени поэта и/или разнообразными интертекстуальными связями. Ограничимся некоторыми примерами:

Впрочем, все это только на время пути,
 Где собака растет по часам
 Между волком и сном просто так не пройти
Лучше всех это знал Мандельштам.

Уставай же уже фильтровать распаханный рынок
Мандельштам накупил пирожков и свалил от толпы
 Керосинит веселая свадьба, не помня поминок
 А жених и невеста слепы.

Где вином нам казалось «Прибрежное», Брежнев – бессмертным
 И несметным богатством – четыре рубля на кармане,
Я найду мертвецов голоса под любой скамейкой
 Вперемежку с пустыми батлами от «Вазисубани».

Кроме того, опять-таки в контексте «мандельштамовских» образов, как ритмические реминисценции из его поэзии прочитываются у Герасимовой редкие логоэдические размеры. Так, Мандельштам угадывается в логоэдических текстах, соответствующих формуле Дак. + 2X.

Напомним у Мандельштама:

Я ненавижу свет
 Однообразных звезд.
 Здравствуй, мой давний бред –
 Башни стрельчатой рост!

Кружевом, камень, будь
 И паутиной стань:
 Неба пустую грудь
 Тонкой иглою рань!²

А вот в «стишках» Умки:

Ярый любовник – грипп
 Корку мою тирань

² О. Мандельштам, *Полное собрание сочинений и писем: в 3 т.*, сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца; науч. ред. Н. Г. Захаренко, т. 1, Москва: Прогресс-Плеяда 2009, с. 56. Далее цитаты из стихотворений О. Мандельштама приводятся по этому изданию с указанием страницы в скобках.

Тела пустого скрип
Ржавой иглою рань.

Или:

Поезд прошел, как дождь
Быстро и без загей
Вновь полустанок ждет
Полный степных людей

В воздухе недочет
Все посмотрели вверх
Падает
Самолет
Медленно, будто снег.

Наконец, в-третьих, особенно ярко и выпукло творческая рецепция мандельштамовской поэзии проявлена в тех случаях, когда обнаруживаются не отдельные лексические или ритмические «вкрапления» из его текстов, но всё стихотворение оказывается формой, аккумулирующей художественный опыт О. Мандельштама. См., например³:

Мне на плечи бросается век-волкодав
(О. М.).

Мне желают напомнить, что мать я и дочь,
И прогнать сквозь общественный строй.
Мне на шею бросается лунная ночь,
Почему-то считая сестрой.
Мне на плечи бросается много вещей,
Перегрызть мне желая гортань.
Но вовек не видала я века тощей,
И ему повторяю: отстань!
И под лавку пихаю носком башмака,
Чтоб не лез со своей чепухой.
Еще худшим векам наминали бока,
Ну а этот и вовсе плохой.
[...]

³ Текст приводится с небольшими сокращениями.

Впрочем, все это только на время пути,
 Где собака растёт по часам,
 Между волком и сном просто так не пройти
 Лучше всех это знал Мандельштам.
 Я вернусь в этот город, проклятый стократ,
 Где Сократу без яда невмочь –
 Потому что мне день – только друг, но не брат,
 И сестра моя – лунная ночь.

Как видим, текст этого стихотворения демонстрирует нечто большее, нежели использование реминисценций из Мандельштама. Помимо прямого упоминания имени поэта и эпиграфа – знаменитых строчек из стихотворения *За дремучую доблесть грядущих веков...* (1931) – стихотворение «повторяет» важнейшие принципы текстопостроения из произведения Мандельштама:

За гремучую доблесть грядущих веков,
 За высокое племя людей –
 Я лишился и чаши на пире отцов,
 И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
 Но не волк я по крови своей –
 Запихай меня лучше, как шапку в рукав
 Жаркой шубы сибирских степей,

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
 Ни кровавых костей в колесе,
 Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
 Мне в своей первобытной красе, –

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
 И сосна до звезды достает,
 Потому что не волк я по крови своей
 И меня только равный убьёт (156–157).

С точки зрения версификации текст Герасимовой отличается только протяженностью (у нее 24 стиха, у Мандельштама 16) и астрофичностью (мандельштамовский текст состоит из четырех катренов). Оба стихотворения написаны неравноостопным (4–3-ст.) анапестом с перекрестной рифмовкой и мужской клаузулой. При этом весь текст Умки-Герасимовой представляет собой вариацию или трансформацию мандельштамовского текста.

Здесь и основанные на синтаксическом параллелизме строки: «Мне на плечи кидается век-волкодав; Я лишился и чаши на пире отцов» (Мандельштам); «Мне на шею бросается лунная ночь; Мне на плечи бросается много вещей» (Умка). Ср. также: «Потому что не волк я по крови своей» (Мандельштам); «Потому что мне день – только друг, но не брат...» (Умка).

И ключевые слова-образы: «*Запихай меня лучше, как шапку, в рукав*» (Мандельштам); «*И под лавку пихаю носком баишама*» (Умка).

И, конечно, строчки – реминисценции из других текстов Мандельштама: «Я вернусь в этот город, проклятый стократ».

Своего рода «квинтэссенцией» мандельштамовской поэтики и образов поэзии Мандельштама выступает стихотворение А. Герасимовой *Таюшеву*:

Нам с тобою не будет ни а и ни б
Кукареку нам будет одно
И не будем мы в небо лететь по трубе
А тихонько осядем на дно

Мы утонем в болоте как тот бегемот
И никто никогда не умрет
Потому что не волк я а только енот
И к тому же не знающий нот

Уведи меня в ночь где последний трамвай
Колокольчиком жалким звенит
Где поверхность воды наш потерянный рай
Наш сверкающий дальний зенит

Не родился еще тот садовник на свет
Что попробует выкопать нас
Закати-ка меня как покрывку в кювет
Ни ее нам не будет, ни дна-с.

Очевидно, что здесь:

- обнаруживаются интертекстуальные переключки с несколькими стихотворениями Мандельштама (причем упоминаются самые «знаковые» тексты его поэзии);
- использован стихотворный размер (4-х- или 4–3-ст. анапест), которым написаны стихотворения Мандельштама: *Мы живем, под собою не чуя страны...*, *За гремучую доблесть грядущих веков...*, *Нет, не спрятаться мне от великой муры...* и т. п.;

– встречаются излюбленные в поэтике Мандельштама императивные конструкции: «Запихай меня лучше, как шапку, в рукав...»; «Уведи меня в ночь, где течет Енисей...». См. у Герасимовой: «Уведи меня в ночь где последний трамвай...; Закати-ка меня как покрывало в кювет...».

Стоит сказать еще несколько слов о стихах, которые могут вызвать недоумение в контексте нашей темы. В стихах А. Герасимовой есть такие строчки:

Левой ногой своего Мандельштама
Перевожу на обычный язык.

На первый взгляд, здесь проявлено ироническое, чуть ли не пренебрежительное отношение и к самой поэзии Мандельштама, и к ее рецепции. Однако это совершенно не так. «Левой ногой» в данном случае означает «легко и непринужденно», что называется «без насады» – весело и естественно. Показательно, что эти строчки завершают заключительное стихотворение цикла, состоящего из трех стихотворений. Причем первое стихотворение цикла начинается так:

Мы и представить себе не могли бы
Как на рассвете земля хороша
Если бы смыслов унылые глыбы
Левой рукой не смахнула душа.

Весь цикл посвящен противопоставлению естественной и свободной жизни принужденному и зашоренному условностями существованию. Уместно вспомнить, что самая частотная реминисценция из Пушкина в стихах Герасимовой – «покой и воля» (!).

Наконец, выразительный пример осознанной творческой рецепции Мандельштама – стихотворение *Пассионариям*:

Все это было очень благородно,
А оказалось вовсе ни к чему.
Радели вы о счастье народном,
А он, народ, тупее, чем Муму.

Он обожает барыню-тираншу,
Герасима кусает своего
И только ждет спасительного транша,
Чтобы уйти в подводное пространство,
А там никто не вспомнит про него.

Я, может быть, чего не понимаю,
Но вот вам пара слов на посошок:
Не надо душу октябрю и маю,
Уж лучше, **тоненький бисквит ломаю**,
Другой рукою написать стишок.

Перед нами своего рода «программное» стихотворение А. Герасимовой – манифест жизни и творчества. И в союзники себе она выбирает Мандельштама. Есенинскому «Отдам всю душу октябрю и маю, / – но только лиры милой не отдам» (*Русь советская*) противопоставлено мандельштамовское:

Немного красного вина,
Немного солнечного мая –
И, тоненький бисквит ломаю,
Тончайших пальцев белизна... (46).

Это фрагмент из его «стихотворного натюрморта» *Невыразимая печаль...* Комментируя данный текст, М. Л. Гаспаров пишет: «[...] просыпающаяся женщина, букет в вазе у изголовья, глоток вина и бисквит; отрывистые метафорические предложения заострены антиграмматической концовкой “И, тоненький бисквит ломаю, Тончайших пальцев белизна”»⁴.

Как видим, в целом рецепция Мандельштама в творчестве Анны Герасимовой вовсе не сводится к уровню реминисценций и аллюзий. Вместе с тем тексты Мандельштама невозможно рассматривать и как своего рода «готовый макет» (формула Ю. Н. Тынянова) – даже в тех случаях, когда стихотворение А. Герасимовой, казалось бы, буквально воспроизводит его текстообразующие модели⁵. «Макет» – лишь удобная («у всех на слуху») форма, безразличная к содержанию и **направленности** нового произведения (ср. пример Тынянова: *Певец во стане русских воинов* Жуковского и его многочисленные перепевы и вариации). Произведения Герасимовой обнаруживают «внутренне убедительное» сближение с интенциями Мандельштама и в целом демонстрируют солидарность с его важнейшими эстетическими принципами.

Необходимо отметить, что внутренне обусловленное сходство лирики Анны Герасимовой с поэзией Мандельштама в целом отчетливо проявлено

⁴ М. Л. Гаспаров, *Комментарии*, [в:] О. Мандельштам, *Стихотворения. Проза*, Москва: Издательство АСТ, Харьков: Фолио 2001, с. 608–609.

⁵ Ср.: «Использование какого-либо произведения как макета для нового произведения – очень частое явление». Ю. Н. Тынянов, *О пародии*, [в:] он же, *Поэтика. История литературы. Кино*, Москва: Наука 1977, с. 290.

в специфике субъектной организации текстов двух разных авторов. Характеризуя главную особенность субъектной сферы лирики «позднего» Мандельштама (30-е гг.), Ю. И. Левин подчеркивал, что в его стихах

почти каждое вхождение «Я» в текст отмечено напряженно личным началом, далеко выходящим за конвенциональные рамки лирического «самовыражения» [...] Это единство облика «Я» в текстах соотносится с единством личности и творчества во всех его проявлениях. Для М.-человека не существовало разных сфер: одной для домашнего употребления, другой – для «искусства»⁶.

На наш взгляд, подобный тип взаимодействия автора с лирическим героем отличает и стихотворения А. Герасимовой. Именно этим внутренним родством объясняется возможность глубинных интертекстуальных связей, задействованных на всех уровнях ее литературно-художественной формы.

В заключение хотелось бы вспомнить, что в работах о поэтике Мандельштама М. Л. Гаспаров неоднократно подчеркивал, что оценка художественного произведения «не дело науки, она – дело вкуса каждого читателя»⁷. Однако анализ интертекстуальных связей позволяет обнаружить и вкусовые пристрастия авторов, настойчиво обращающихся к переосмыслению чужого поэтического опыта. Лирика Умки (Анны Герасимовой) свидетельствует о любовном освоении и **творческом присвоении** поэзии Осипа Мандельштама.

References

- Gasparov, Mikhail L. *Kommentarii*. In: O. Mandelshtam. *Stikhotvoreniya. Proza*. Moskva: Izdatelstvo AST, Kharkov: Folio, 2001.
- Gasparov, Mikhail L. O. *Mandelshtam: Grazhdanskaya lirika 1937 goda*. Moskva: RGGU, 1996.
- Gerasimova, Anna G. (Umka). *Stishki 2009–2017*. Moskva: Umka-press, 2017.
- Levin, Yurii I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika*. Moskva: Izdatelstvo Yazyki russkoi kultury, 1998.
- Mandelshtam, Osip. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 3 t.*, ed. A. G. Mets; N. G. Zakharenko. Vol. 1. Moskva: Progress-Pleyada 2009.
- Tynyanov, Yurii N. *O parodii*. In: *Poetika. Istoriya literatury. Kino*. Moskva: Izdatelstvo Nauka, 1977.

⁶ Ю. И. Левин, *Тридцатые годы*, [в:] он же, *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*, Москва: Языки русской культуры 1998, с. 99.

⁷ М. Л. Гаспаров, О. Мандельштам: *Гражданская лирика 1937 года*, Москва: Рос. гос. гуманитар. ун-т 1996, с. 111.